

Вальтер Беньямин

Улица
с односторонним
движением

Берлинское
детство
на рубеже веков

Ad Marginem

Вальтер Беньямин

**Улица с односторонним
движением. Берлинское
детство на рубеже веков**

«Ад Маргинем Пресс»

1924, 1938

УДК 1(091)(430)“19”
ББК 87.3(4Гем)6

Беньямин В.

Улица с односторонним движением. Берлинское детство на рубеже веков / В. Беньямин — «Ад Маргинем Пресс», 1924, 1938

ISBN 978-5-91103-596-9

Сборник составлен из двух блестящих текстов мемуарного характера, написанных Вальтером Беньямином в середине 1920-х годов («Улица с односторонним движением») и в начале 1930-х («Берлинское детство на рубеже веков»). Оба они состоят из фрагментов, проницательно анализирующих ткань повседневности. Сквозные темы — взаимодействие прошлого и настоящего, неслышная поступь истории, ностальгия, коллекционирование и т. д. — тесно связывают эту, казалось бы, необязательную автобиографическую прозу с главными теоретическими проектами Беньямина, посвященными Бодлер}; культурной истории XIX — начала XX века и, шире, судьбе модерна. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(430)“19”
ББК 87.3(4Гем)6

ISBN 978-5-91103-596-9

© Беньямин В., 1924, 1938
© Ад Маргинем Пресс, 1924, 1938

Содержание

Улица с односторонним движением	6
Заправочная станция	6
Закусочная	7
№ 113[1]	8
Для мужчин	9
Уличные часы	10
Вернись, я всё прощу![4]	11
Роскошно меблированная десятикомнатная квартира	12
Китайские товары	13
Перчатки	14
Мексиканское посольство	15
Просьба бережно относиться к зеленым насаждениям	16
Стройплощадка	17
Министерство внутренних дел	18
Флаг...	19
...приспущен	20
«Императорская панорама»[11]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вальтер Беньямин
Улица с односторонним движением.
Берлинское детство на рубеже веков
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2021

Улица с односторонним движением

Эта улица зовется улицей Аси Лацис в честь той, что, как инженер, прорубила ее в авторе.

Заправочная станция

Порядок жизни в данный момент куда больше подвержен власти фактов, а не убеждений. И причем таких фактов, которые почти никогда и нигде еще не становились основанием для убеждений. В этих обстоятельствах подлинная литературная деятельность не имеет права оставаться в пределах литературы – последнее, скорее, характерное проявление ее бесплодности. Значимая литературная работа может состояться лишь при постоянной смене письма и делания; надо совершенствовать неказистые формы, благодаря которым воздействие ее в деятельных сообществах гораздо сильнее, чем у претенциозного универсального жеста книги, – ее место в листовках, брошюрах, журнальных статьях и плакатах. Похоже, лишь этот точный язык и в самом деле соответствует моменту. Мнения для огромного аппарата общественной жизни – словно масло для машин; никто не будет вставать к турбине и заливать ее машинным маслом. Обычно мы лишь немного впрыскиваем в тайные заклепки и пазы, которые нужно знать.

Закусочная

По народному поверью, лучше не рассказывать сны утром натошак. Ведь получается, что в этом состоянии проснувшийся еще находится во власти сновидения. Умывание выводит на свет лишь поверхность тела и его видимые моторные функции, притом что в глубине даже во время утреннего очищения застывают серые сумерки сновидения, оседая там в первый одинокий час бодрствования. Тот, кто боится прикосновения дня, из страха перед людьми или нуждаясь во внутренней собранности, – не хочет есть и пренебрегает завтраком. Так он устраняет разрыв между миром ночи и дня. Подобную осмотрительность можно оправдать если не молитвой, то лишь сосредоточенной утренней работой, в которой сгорают остатки сновидения, в противном случае это ведет к расстройству жизненных ритмов. В таком состоянии отчет о сновидениях оказывается губительным, потому что человек, будучи еще наполовину во власти мира сновидений, своими словами выдает его и должен быть готов к его мести. Говоря языком нового времени, он выдает самого себя. Он вышел из-под опеки наивности грез и разоблачает себя, когда без всякого превосходства прикасается к лицам из своих снов. Ибо только с другого берега, из света дня, можно обращаться к сновидению, вспоминая и превосходя его. Этот мир, лежащий по ту сторону сновидения, доступен теперь только через очищение, которое аналогично умыванию, и всё же полностью отличается от него. Оно проходит через желудок. Натощак человек говорит о сновидении так, словно он говорит из сна.

№ 113¹

*Часы, что облик содержат,
В чертоге сновидений протекли.*²

Цоколь. – Мы давно позабыли обряд, по которому составлен дом нашей жизни. Но когда начинается шторм и рвутся вражеские снаряды, какие только иссохшие, диковинные древности ни обнаруживаются в подвале. Что только не было сокрыто магическими формулами и принесено в жертву, какое зловещее собрание редкостей, там, где самому будничному отведены самые глубокие закрома. В ночь, полную отчаяния, я видел себя во сне вместе с первым своим школьным товарищем, которого я не встречал уже десятки лет и за это время почти не вспоминал, и мы пылко возрождали нашу дружбу и братство. В момент пробуждения мне стало ясно: то, что обнаружилось – словно после разрыва – в отчаянии, было трупом этого человека, который был замурован там и должен был показать: кто бы здесь ни жил, не должен быть на него похож.

Вестибюль. – Посещение дома Гёте. Не могу отделаться от ощущения, что видел эти комнаты во сне. Вереница крашенных коридоров, как в школе. Две пожилые посетительницы-англичанки и смотритель – статисты. Смотритель просит нас записаться в книге посещений, что лежит открытая в самом конце коридора на подставке. Когда я подхожу и листаю ее, я нахожу свое имя, уже вписанное крупным, неуклюжим детским почерком.

Столовая. – В одном сне я видел себя в кабинете Гёте. Он был совсем не похож на его кабинет в Веймаре. Прежде всего, он был гораздо меньше и только с одним окном. В стену напротив упирался торцом стол. За ним сидел и писал поэт в преклонном возрасте. Я стоял в стороне, когда он прервался и вручил мне в подарок маленькую вазу – античный сосуд. Я вертел его в руках. В комнате стояла ужасная жара. Гёте поднялся и вошел со мной в соседнюю комнату, где для всей моей родни был накрыт длинный стол. Однако он явно был рассчитан на большее количество персон. Очевидно, накрыли и для предков. Я занял место на правом конце стола рядом с Гёте. Когда трапеза была окончена, он устало поднялся, и я жестом испросил позволения его поддержать. Когда я коснулся его локтя, то расплакался от волнения.

---

¹ В подвале Пале-Рояль в Париже, в доме с номером 113, в конце XVIII – начале XIX века находилось знаменитое казино, также известное как публичный дом. – *Здесь и далее – примечания переводчиков.*

² Из сонета, написанного Беньямином и не опубликованного при его жизни.

Для мужчин

Уговоры бесплодны.

Уличные часы

Для великих законченные труды значат меньше, чем фрагменты, к работе над которыми они возвращаются на протяжении всей жизни. Потому что только слабый, рассеянный испытывает ни с чем не сравнимую радость от завершения и тем самым чувствует, что вернулся к жизни. Гению каждая цезура, тяжелые удары судьбы, – как спокойный сон посреди усердной работы в мастерской. Он очерчивает ее границы во фрагменте. «Гений – это усердие»³.

---

³ Вольная цитата из стихотворения Теодора Фонтане, где эта поговорка, авторство которой не установлено, перефразируется: «Лишь серьезность создает человека, лишь усердие создает гения»

Вернись, я всё прощу!⁴

Подобно тому, кто возвращается на перекладине, мы сами в детстве вращаем колесо счастья, на котором рано или поздно выпадает счастливый билет. Ибо только тому, что мы знали и пробовали уже в пятнадцать лет, обязаны мы нашими *attrattiva*⁵. И потому если не получилось убежать от родителей, этого уже никогда не исправишь. В эти годы сорок восемь часов, в течение которых мы предоставлены самим себе, позволяют вырасти, словно в щелочном растворе, кристаллу жизненного счастья.

---

⁴ Отсылка к одноименному фильму (1915) режиссера М. Мака.

⁵ Привлекательные черты (*итал.*).

Роскошно меблированная десятикомнатная квартира

Единственно приемлемое изображение и анализ мебельного стиля второй половины девятнадцатого столетия дается в особом типе детективных романов, динамический центр которых – ужас, внушаемый квартирой. Расстановка мебели одновременно есть план расположения смертельных ловушек, а вереница комнат задает жертве траекторию бегства⁶. Ничего не меняется от того, что этот тип детективного романа зарождается именно благодаря По, то есть когда подобных жилищ еще почти не было. Ведь все без исключения великие поэты выстраивают свои комбинации в мире, которому лишь предстоит прийти: так парижские улицы бодлеровских стихотворений возникли только в первые годы двадцатого века, да и людей Достоевского не было прежде. Буржуазный интерьер шестидесятых – девяностых годов с его огромными, пышно украшенными резьбой буфетами, сумрачными углами, где стоит пальма, с эркером, оснащенным балюстрадой, и длинными коридорами с поющим газовым пламенем – подходящее жилище только для трупа. «На этом диване тетюшку можно только убить». Бездушное великолепие домашней обстановки становится по-настоящему комфортным лишь в присутствии мертвого тела. Намного интереснее, чем нарочито живописный восток детективных романов, восточное великолепие их интерьеров: персидский ковер и оттоманка, подвесная лампа и благородный кавказский кинжал. Хозяин дома за массивными складками келимов устраивает оргии с ценными бумагами и, вероятно, чувствует себя как богатый восточный купец или как лживый и ленивый паша в царстве обмана, пока этот кинжал, висящий над диваном в серебряных ножнах, в один прекрасный день не положит конец его послеобеденной сиесте и ему самому. Этой атмосферой буржуазной квартиры, трепещущей в ожидании безымянного убийцы, как похотливая старуха в ожидании ухажера, прониклись некоторые авторы, не удостоившиеся, будучи «писателями детективного жанра», должного почтения – возможно, и потому, что в их произведениях отчасти угадывается буржуазный демонический пантеон. То, что нужно здесь уловить, есть в некоторых произведениях Конан Дойла, писательница А. К. Грин обнаружила это в своей объемной литературной продукции, а у Гастона Леру в «Призраке оперы», одном из великих романов о девятнадцатом столетии, этот жанр достигает апофеоза.

---

⁶ В оригинале игра слов: нем. Zimmerflucht – вереница комнат, Fluchtbahn – траектория бегства.

Китайские товары

В наши дни никому нельзя упорствовать в том, что он «умеет». Сила – в импровизации. Все решающие удары наносят левой рукой. В начале длинной тропы, ведущей под гору к дому, где живет ***, которую я навещал каждый вечер, стоят ворота. Когда она уехала, открытые ворота предстали передо мной, словно ушная раковина, потерявшая слух.

Ребенка в ночной рубашке невозможно заставить выйти и поприветствовать гостей⁷. Окружающие тщетно взывают к высокой морали, уговаривают его, пытаясь побороть в нем упрямство. Через несколько минут он выходит к гостю, теперь уже совершенно голый. За это время он умылся.

Впечатление от проселочной дороги зависит от того, идешь ли по ней пешком, или пролетаешь на аэроплане. Так же и впечатление от текста зависит от того, читаешь его или переписываешь. Тот, кто летит, видит лишь, как дорога пробирается сквозь ландшафт, она разворачивается перед ним по тем же законам, что и местность вокруг нее. Только тот, кто идет по дороге, узнает о ее власти и о том, как именно из земель, которые с аэроплана предстают лишь раскинувшейся равниной, она на каждом своем повороте зовет к себе дали, бельведеры, поля и просторы, подобно тому, как командир своим приказом отзывает солдат с фронта. И только переписанный текст командует душою того, кто им занимается, тогда как просто читателю не суждено приобрести новые впечатления, понять, как текст прокладывает их, словно дорогу, которая прорастает всё глубже в дебри внутреннего мира: потому что читатель повинуется свободному движению своего Я в пространстве грез, а переписчик позволяет командовать этим движением. Китайская традиция переписывать книги потому и была беспримерной основой книжной культуры, а список – ключом к загадкам Китая.

---

⁷ Героиня этого воспоминания – маленькая дочь Аси Лацис.

Перчатки

Тот, кто испытывает отвращение перед животными, больше всего боится, что в прикосновении они признают его своим. В глубине души человеку внушает ужас смутное сознание: в нем живет нечто, столь мало чуждое отвратительному животному, что может быть им признано. – Всякое отвращение изначально есть отвращение перед прикосновением. Даже когда мы, овладев собой, преодолеваем это чувство, наш жест получается резким и вымученным: мы стремительно хватаем отвратительное и проглатываем его, тогда как зона тончайшего эпидермального прикосновения остается табуированной. Только так можно соблюсти парадоксальное требование морали, чтобы человек одновременно преодолел и изысканнейшим образом усовершенствовал в себе чувство отвращения. Ему нельзя отречься от своего звериного родства с той тварью, зов которой рождает в нем отвращение, – он должен сделаться ее господином.

Мексиканское посольство

*Je ne passe jamais devant un fétiche de bois, un Bouddha doré, une idole
mexicaine sans me dire: C'est peut-être le vrai dieu.⁸*
Charles Baudelaire

Мне снилось, что я участник исследовательской экспедиции в Мексике. Обойдя вдоль и поперек высокий девственный лес, мы натолкнулись в горах на систему пещер, находящуюся над землей, где со времен первых миссионеров сохранился орден, братья которого продолжали обращать туземцев в свою веру. В громадном, готически заостренном центральном гроте проходило богослужение по самому древнему обряду. Мы вошли туда и смогли увидеть основную его часть: перед деревянной поясной статуей Бога Отца, установленной на большой высоте на одной из стен, священник поднял мексиканский фетиш. Тогда голова Бога в знак отрицания трижды повернулась справа налево.

---

⁸ «Когда ни прохожу я мимо деревянного фетиша, позолоченного Будды, мексиканского идола, всегда говорю себе: быть может, это истинный Бог» (*франц.*). Слова Бодлера, приведенные в книге: Claretie J. La vie à Paris 1882. P.: Victor Havard, 1883.

Просьба бережно относиться к зеленым насаждениям

На какие вопросы мы получаем ответ? Разве не остаются все вопросы прожитой жизни позади, словно деревья, заслонявшие нам обзор? Мы едва ли думаем о том, чтобы их выкорчевать или хотя бы проредить. Мы шагаем дальше, оставляя их позади, и хотя издали мы можем окинуть их взором, очертания их неясны, темны, и тем загадочнее эта чаша.

Комментарии и перевод относятся к тексту как стиль и подражание (*Mimesis*) к природе: одно и то же явление, но рассмотренное с разных сторон⁹. На древе священного текста они лишь вечно шуршащие листья, а на древе мирского – своевременно поспевающие плоды.

Любящий привязывается не только к недостаткам возлюбленной, не только к женским причудам и слабостям; морщины на лице и родимые пятна, поношенная одежда и неуклюжая походка властвуют над ним гораздо дольше и вернее, чем любая красота¹⁰. Об этом известно издавна. А почему? Если верно учение, гласящее, что ощущение обитает не в голове, что ощущения от окна, облака и дерева возникают не в мозгу, но скорее в той точке, где мы видим эти вещи, то и при взгляде на возлюбленную мы вне себя. Но тут уже – с мучительным напряжением и страстью. Ослепленное блеском и великолепием женщины, ощущение порхает, как стайка птиц. И подобно тому как птицы ищут убежища в густой листве деревьев, ощущения спасаются в тени морщин, в нелепых жестах и неприметных изъянах любимого тела, куда они забираются, как в безопасное убежище. И ни один прохожий не догадается, что именно здесь, в несовершенствах, в чем-то предосудительном, обитает стремительный любовный порыв воздыхателя.

---

⁹ Ср. у Гёте: «Если простое подражание зиждется на спокойном утверждении сущего, на любовном его созерцании, манера – на восприятии явлений подвижной и одаренной душой, то стиль покоится на глубочайших твердых познаниях, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах» (*Гёте И. В. Простое подражание природе, манера, стиль* / пер. Н. Ман // И. В. Гёте. Соч. В 10 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1980. С. 28). Образ дерева и языка – важнейший для Беньямина; ср. его фрагмент «Дерево и речь»: *Беньямин В. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 188–189; аналогия между листвой деревьев и книжными страницами встречается в «Труде о пассажах»: *Benjamin W. Passagenwerk* // W. Benjamin. *Gesammelte Schriften*. Bd. V. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. S. 682.

¹⁰ Ср. запись Беньямина в «Московском дневнике» за 9 декабря 1926 года: «Прежде чем она уходит, я читаю ей [Асе Лацис. – И. Б.] из „Улицы с односторонним движением“ место о морщинках» (*Беньямин В. Московский дневник* / пер. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997. С. 23).

Стройплощадка

Педантично изобретать предметы, специально рассчитанные на детей, – наглядные пособия, игрушки или книги – глупо. Со времен Просвещения это – одно из зануднейших измышлений педагогов. Их заикленность на психологии мешает им увидеть, что мир полон самых примечательных объектов детского внимания и деятельности. Самые очевидных объектов. Дело в том, что дети обладают особой склонностью выискивать всевозможные места, где видно, как идет работа над вещами. Их неодолимо притягивают строительные отходы, мусор, скапливающийся во время шитья или уборки дома, работы в саду или в столярной мастерской. В обрезках и стружках они узнают тот лик, который мир вещей обращает именно к ним, к ним одним. Играя, придумывая отходам применение, они не столько повторяют созданное взрослыми, сколько вызывают к жизни новые, неожиданные отношения между материалами самого разного рода. Таким образом дети сами создают для себя свой мир вещей, маленький мир в большом. Нормы этого маленького вещного мира не мешало бы учитывать тем, кто пытается создать что-то специально для детей, не считая нужным дать собственной деятельности со всем ее реквизитом и инструментарием возможность самой прокладывать путь к детям.

Министерство внутренних дел

Чем враждебнее человек относится к наследию предков, тем безжалостнее подчиняет он свою частную жизнь нормам, которые стремится положить в основу будущего устройства общества. Создается ощущение, что подобные нормы накладывают на него обязательство хотя бы своей собственной жизнью дать наглядный пример этих правил, пока нигде более не ставших действительностью. Тот же, кто живет в согласии с древнейшими традициями своего сословия или народа, временами ставит свою частную жизнь в очевидное противоречие с максимами, которые он яростно защищает на людях, и втайне без малейшего угрызения совести чтит свое собственное поведение как самое убедительное доказательство неколебимого авторитета декларируемых им принципов. Так различаются между собой политики анархо-социалистического и консервативного толка.

Флаг...

Насколько же легче любить того, кто прощается! Ибо страсть к тому, кто удаляется, разгорается ярче, поддерживаемая мимолетным движением полоски ткани, которой машут нам с корабля или из окна поезда. Расстояние проникает исчезающего человека, как краска, и наполняет его мягким светом.

...приспущен

Когда мы теряем очень близкого человека, то среди событий последующих месяцев появляются такие, которые, как нам кажется, могли произойти лишь благодаря его отсутствию, как бы мы ни хотели ими с ним поделиться. Мы передаем ему последний привет на языке, которого он уже не понимает.

«Императорская панорама»¹¹

Путешествие по германской инфляции

I. В арсенале тех выражений, которыми ежедневно выдает себя жизненный уклад немецкого бюргера, замешанный на глупости и трусости, особенно примечательно то из них, что указывает на грядущую катастрофу: ведь «далее так жить нельзя». Беспомощная заикливость на представлениях о безопасности и о собственности, сложившихся за прошедшие десятилетия, мешает обычному человеку воспринять крайне любопытные, совершенно новые формы стабильности, которые лежат в основе текущей ситуации. Поскольку относительная стабилизация предвоенных лет была для него благоприятной, он полагает, что должен считать нестабильным любое состояние, при котором он терпит лишения. Но стабильные условия жизни ни в коем случае не обязаны быть приятными, и еще до войны существовали слои населения, для которых стабильные условия жизни означали стабильную нищету. Упадок ничуть не менее стабилен, нисколько не большее чудо, чем подъем. Только признавшись себе в том, что единственный смысл текущего состояния – это гибель, можно перестать вяло удивляться каждодневной рутине и осознать, что только явления распада по-настоящему стабильны, и одно лишь спасение – нечто сверхъестественное, граничащее с непознаваемым, с чудом. Народности (Volksgemeinschaften) Центральной Европы подобны жителям осажденного города, где подходят к концу запасы еды и пороха, а здравый смысл подсказывает, что ждать спасения бессмысленно. Ситуация, в которой стоило бы самым серьезным образом обдумать решение о сдаче на милость или немилость победителя. Но немая, невидимая сила, приближение которой ощущает сейчас Центральная Европа, не ведет переговоров. Поэтому в непрестанном ожидании последнего штурма не остается ничего, кроме как устремить взгляд на то сверхъестественное, что только и могло бы нас спасти. Однако необходимое состояние предельной, безропотной сосредоточенности могло бы – в силу того, что мы состоим в таинственной связи с осаждающими нас силами, – и в самом деле вызвать чудо. Но однажды всем тем, кто думает, что дальше так жить нельзя, придется выучить урок: страданиям как отдельных людей, так и народов положен только один предел, дальше которого не зайдешь, – уничтожение.

II. Странный парадокс: у людей, когда они действуют, самые мелочные, частные интересы на уме, но вместе с тем сейчас, как никогда, поведение их определяется инстинктом толпы. А массовые инстинкты сейчас, как никогда, искажены, безумны и чужды жизни. И там, где темное влечение животного (как о том повествуется в бесчисленных анекдотах) отыскивает выход из надвигающегося, но вроде бы еще не видимого опасного положения, там это общество – где каждый ориентируется лишь на свое приземленное благополучие, с тупой животной бессознательностью, но без того произвольного знания, каким обладают животные, – распадается, словно слепая масса, при любой, в том числе ближайшей, опасности, и различия целей отдельных индивидов становятся ничтожными перед самотождественностью определяющих сил. Вновь и вновь оказывается, что люди настолько закоsnели в своей привязанности к знакомой, привычной, но теперь уже давно утраченной жизни, что даже в критической ситуации собственно человеческие качества их – опора на интеллект, предвидение будущего – не срабатывают. Таким образом, перед лицом опасности облик человеческой глупости оказывается завершен: неуверенность, даже извращение жизненно важных инстинктов и бессилие, настоящий распад интеллекта. Таково положение (Verfassung) всех немецких граждан.

---

¹¹ Речь идет о фотопластиконе – фотопанораме на двадцать четыре места, открытой в берлинском императорском пассаже в 1880 году.

III. Все ближайшие человеческие отношения отмечены какой-то почти невыносимой, всепроникающей ясностью, с которой они едва ли способны долго сосуществовать. Ибо поскольку, с одной стороны, деньги самым неприглядным образом находятся в центре жизненных интересов, а с другой, именно они служат тем препятствием, перед которым оказываются бессильны почти все человеческие отношения, постольку в сфере как природного, так и нравственного всё больше недостает спонтанного доверия, спокойствия и здоровья.

IV. Не зря часто говорят о «неприкрытой» нищете. Самое губительное в такой откровенности, становящейся под действием закона нужды чем-то обыденным и при этом позволяющей увидеть лишь тысячную часть всего потаенного, – не сострадание или (не менее ужасное) сознание собственной безучастности, что пробуждается в наблюдателе, а стыд его. Невозможно жить в большом немецком городе, где голод заставляет самых убогих жить на те купюры, которыми проходящие мимо пытаются прикрыть ранищую их наготу.

V. «Бедность не порок». Вполне возможно. Но они порочат бедняка. Обращаясь с ним так, они утешают его этой поговоркой. Она из тех, что некогда еще имели смысл, но уже давно его утратили. То же самое относится и к жестокому: «Кто не работает, тот не ест». Когда была работа, приносящая человеку хлеб, то и бедность не была пороком, если причиной ее становился неурожай или другая напасть. Но эта нужда – порок для миллионов бедняков, в ней родившихся, для сотен тысяч, в ней запутавшихся. Созданные невидимыми руками, грязь и нищета вырастают вокруг них, словно высокие стены. Отдельный человек способен многое вынести сам, но чувствует естественный стыд, когда жена видит его бремя и тоже терпит; так и отдельному человеку позволено вытерпеть многое, если он один, и всё – если он это скрывает. Но никому не позволено мириться с бедностью, когда она, как огромная тень, падает на его дом и народ. Тогда человек должен остро чувствовать каждое унижение, выпадающее на его долю, и до тех пор возвращать в себе эти чувства, пока страдание поведет его не вниз – дорогой уныния, а вверх – тропой бунта. Но здесь не на что надеяться, пока пресса ежедневно и ежечасно обсуждает любые самые тяжелые и горестные судьбы, излагая всевозможные мнимые причины и следствия, но не помогая никому понять, что за темные силы подчинили себе его жизнь.

VI. Иностранцу, наблюдающему мимоходом за устройством немецкой жизни и даже некоторое время поездившему по стране, ее жители кажутся не менее чуждыми, чем экзотические народы. Один остроумный француз сказал: «Лишь в редчайших случаях обретет немец ясное представление о самом себе. Но если и обретет, то не скажет. А если и скажет, то его никто не поймет». После войны эта удручающая дистанция увеличилась, и не только из-за тех зверств, как реальных, так и выдуманных, в которых обвиняют немцев. Сила, совершенно непостижимая для сторонних наблюдателей и абсолютно не осознаваемая теми, кто ею захвачен, доводит наконец абсурдную изоляцию Германии в глазах других европейцев до предела и, по сути дела, заставляет их видеть в немцах варваров (как кто-то точно подметил), – сила, с которой жизненные обстоятельства, нищета и глупость подчиняют людей на этой арене законам общины, тем самым уподобляя их каким-то примитивным существам, чья жизнь определяется клановыми обычаями. Самое европейское из всех благ – та более или менее явная ирония, с которой отдельный человек притязает на то, чтобы отделить ход своей жизни от бытия всякой общины, в какую бы его ни забросила судьба, – немцами полностью утрачено.

VII. Куда-то подевалась непринужденность в общении. Если раньше вы без труда находили общий язык с собеседником, то теперь вы спрашиваете, сколько стоят его ботинки или зонтик. Тема денег, бытового благополучия неизбежно вклинивается в любую дружескую беседу. При этом речь идет не столько о собственных заботах и тяготах, в которых люди, возможно, сумели бы друг друга поддержать, сколько об общих наблюдениях. Словно вас заперли в театре и заставили следить за ходом пьесы, хотите вы того или нет, снова и снова делать ее предметом своих разговоров и мыслей, хотите вы того или нет.

VIII. Кто не боится увидеть вокруг упадок, тот немедленно начинает подыскивать какое-нибудь особое оправдание своей медлительности, своим действиям и своей причастности к этому хаосу. Сколько пронизательных разоблачителей всех и вся, сколько исключений делается для собственных занятий, места жительства и своей теперешней ситуации! Слепая воля – скорее сохранить престиж своего личного существования, чем, мужественно признав собственное бессилие и растерянность, освободиться хотя бы от всеобщего ослепления, – проявляется почти во всем. Потому атмосфера так насыщена теориями о том, как жить, и мировоззрениями, и потому здесь они оказываются столь претенциозными, что почти всегда относятся к какой-нибудь совершенно ни о чем не говорящей частной ситуации. Именно потому она так насыщена и миражами, иллюзиями цветущей культуры будущего, которое приходит внезапно и вопреки всему, что каждый полагается на собственную обособленную перспективу, создающую оптический обман.

IX. Люди, запертые в пространстве этой страны, утратили способность видеть очертания человеческой личности. Каждый свободный человек предстает перед ними чудачком. Представим себе альпийскую горную гряду, которая, однако, выделяется не на фоне неба, а на фоне складок темного полотна. От величественных форм остался бы лишь смутный силуэт. Именно так тяжелый занавес заслонил небо Германии, и профили даже самых выдающихся людей нам не видны.

X. Вещи утрачивают теплоту. Предметы повседневного обихода едва заметно, но неумолимо отталкивают от себя человека. В итоге он должен изо дня в день проделывать колоссальную работу, преодолевая тайное – отнюдь не только открытое – сопротивление, исходящее от них. Их холодность он должен возместить своим теплом, чтобы не заколоться среди них, и с бесконечной осторожностью касаться их колючек, чтобы не истечь кровью. Ему нечего ждать помощи от ближних. Кондукторы, служащие, ремесленники и продавцы – все чувствуют себя частью непокорной материи, опасность которой они стремятся подчеркнуть своей грубостью. И даже жизнь страны отмечена деградацией вещей, которая следует за упадком человека и становится его наказанием. Страна, как и вещи, изнуряет человека, и немецкая весна, которая никак не наступит, – лишь одно из бесчисленных сходных проявлений разрушающейся немецкой природы. В этих условиях живет так, словно давление воздушной массы, которое ложится на каждого, вдруг, вопреки всем законам природы, в этих краях стало ощутимо.

XI. Всякое человеческое движение, будь то духовного или естественного происхождения, совершаясь, наталкивается на колоссальное сопротивление окружающей среды. Дефицит жилья и удорожание транспорта способствуют полному уничтожению свободы передвижения и права выбирать место жительства – элементарного образа европейской свободы, который в определенных формах существовал даже в Средневековье. И если тогда человека сковывали естественные связи, то теперь он вынужден быть частью неестественной общности. Мало что так усиливает роковую, заразительную тягу к перемене мест, как ограничение возможностей выбирать, где жить и куда ехать, и еще никогда свобода перемещения и разнообразие средств передвижения не соответствовали друг другу в столь малой степени.

XII. Всякая вещь, непрестанно смешиваясь и утрачивая чистоту, теряет свою сущность, и на место подлинности приходит двусмысленность, – город не исключение. Границы больших городов, которые своей невероятной способностью успокаивать и придавать уверенность замыкают созидającego человека в пределах безопасной территории и могут вместе с горизонтом лишить его ощущения вечно бодрствующих стихийных сил, повсюду нарушаются вторжением сельской местности. Не ландшафтом, а самым удручающим, что есть за городом, – пашней, шоссе, ночным небом, не окутанным красной дрожащей дымкой. Даже в обитаемых землях горожанин оказывается беззащитен и помещен в ту неясную и совершенно ужасающую ситуацию, в которой он вместе с несчастьями обезлюдившей равнины вынужден вмещать в себя отродье городской архитектоники.

ХIII. Вещи, которые сейчас производятся, полностью лишились благородного безразличия по отношению к сферам богатства и бедности. Каждая из них ставит клеймо на своего хозяина, у которого остается единственный выбор – предстать в образе бедняка или спекулянта. Ибо если истинная роскошь имеет такую природу, что дух и общительность способны проникнуть в нее и сделать ее незаметной, те предметы роскоши, которые распространяются сегодня, выставляют напоказ излишество настолько бесстыдное, что перед ним отступает любое духовное воздействие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.